

Е. С. Огаренко

канд. философ. наук, доцент кафедры политологии
Института социальных наук,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
к. 35, Французский бульвар 24/26, г. Одесса, 65058, Украина
тел.: (0482) 684373

**СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК СИСТЕМНО-
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРАМЕТР ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

В статье рассматривается проблема выбора стратегии социально-политического развития современной Украины в контексте долговременных ментально-идеологических трансформаций человеческого сообщества. Социальная справедливость интерпретируется как системообразующий фактор легитимизации власти, а развитие представлений о социальной справедливости рассматривается в контексте хронотопических трансформаций «ментального космоса» человека. Проводится мысль, что кризисные явления в политической жизни современной Украины нельзя преодолеть без концептуализации властью представлений о социальной справедливости как залога легитимизации.

Ключевые слова: социальная справедливость, легитимность власти, «идео — логика», ментальный хронотоп, социокультурная динамика, прагматический этатизм.

Постановка проблемы. Представляется, что исторический опыт, накопленный человечеством, позволяет говорить о значимости социокультурных составляющих политических процессов. К числу таких, на наш взгляд, следует отнести и понятие социальной справедливости, которое концептуально форматирует общественное мнение и является базовым для легитимизации того или иного политического режима.

Одновременно представления о социальной справедливости, включающие, кроме рациональных, и иррациональные элементы в виде верований, ожиданий, стремлений, «укоренены» в ментальных структурах сознания, которые имеют, по нашему мнению, хронотопическую организацию, и изменяются одновременно с изменением «ментального космоса».

Изменения «ментального космоса» спонтанны и имеет определённую направленность, но тем не менее и управляемы, что позволяет власти использовать их как ресурс собственной легитимации. Находясь в одном «ментальном космосе» с обществом, власть может и должна использовать представления о социальной справедливости в качестве важного инструмента самонастройки общества, прибегая в известных пределах и к манипулированию общественным сознанием.

Поставленная в статье проблема заключается в том, чтобы увидеть политическую и социокультурную ситуации в современной Украине в кон-

тексте долговременных ментально-идеологических трансформаций и доказать, что правильный политический выбор в Украине невозможен вне широкого социокультурного контекста истории человечества.

Цели статьи: 1) Проанализировать зависимость представлений о социальной справедливости от «идео — логических» структур, господствующих в социуме. 2) Интерпретировать социокультурную динамику как процесс трансформаций «ментального космоса» человека, имеющего в различные культурно-исторические эпохи различные хронотопические параметры. 3) Описать механизм трансформации концепта «социальная справедливость» в рамках циклического процесса «мифологизация — рационализация — прагматизация» общественного сознания. 4) Обосновать необходимость концептуализации властью представлений о социальной справедливости как залога легитимизации и преодоления кризисных тенденций в современной политической жизни Украины.

Анализ литературы. Проблема динамики политических процессов в контексте социокультурной динамики и культурно-исторических трансформаций является одной из фундаментальных политологических проблем, имеющих долгую историю исследования. В связи с предлагаемым в статье аспектом рассмотрения следует акцентировать концептуальное значение для данного исследования работ М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», К. Поппера «Открытое общество и его враги», М. Фуко «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности», П. Бурдьё «Социология политики».

Представление в статье рассуждения опираются на исследования А. С. Панарина о сущности политики и политического, представленные, в частности, в работах «Философия политики», «Глобальное политическое прогнозирование в условиях политической нестабильности», «Политология».

Существенны для обоснования представленной в статье концепции идеи Г. Лассуэлла о значении политической символизации как фактора «превентивной политики», сформулированные им в «Психопатологии и политике», идеи К. Мангейма о различении «частичной и тотальной идеологии», высказанные, в частности, в главе «Идеология и утопия» книги «Диагноз нашего времени»

Рассматриваемая проблема затрагивается в работах отечественных исследователей: в монографиях Ф. М. Кирилюка «Філософія політичної ідеології», Ю. Павленко «Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства», И. В. Степаненко «Метаморфози духовності в ландшафтах буття».

Социальная справедливость как системно-функциональный параметр легитимности власти в культурно-историческом контексте. Основной материал. По выражению А. Камю, «хорошая власть — это здоровое и осторожное управление несправедливостью».

Определение «хорошая власть» тяготеет к оценочным характеристикам, но поскольку само понятие легитимности апеллирует к общественному мнению, которое неизбежно опирается и на оценочные суждения, представляется, что понятие «хорошая власть» может быть использовано для исследования механизмов функционирования и оптимизации власти.

Можно возразить, что не всякая легитимная власть является «хорошей», но несомненно, что «хорошая власть» является легитимной.

Рассматривая значимость двух составляющих легитимности в известной формуле «макиавеллиевского кентавра» — силы и согласия, следует предположить, что сила без согласия может обеспечить решение кратковременных тактических задач в политике, но в стратегическом смысле власть, не опирающаяся на согласие, в том числе и на согласие «покорствовать» в известных обстоятельствах применению силы, не может считаться ни «хорошей», ни эффективной, ни устойчивой.

Применение силы является оправданным общественным мнением, если вписывается в представления о «справедливости — несправедливости» общественного устройства, которые, кроме рациональной составляющей, включают и другие ментальные структуры, в том числе религиозные или квазирелигиозные, «метафизические», морально-ригористические или морально-прагматические.

То есть понятие социальной справедливости относится к тем свойствам социальной системы, которые имеют бытийную «укоренённость», и без умелого и осторожного управления эти параметром невозможно добиться ни устойчивости, ни развития социальной системы.

В противном случае «политикум» подобен тому возничему, который сидит внутри кареты и дёргает за постромки, привязанные к внутренней стенке кареты, а не к лошадиной упряжи (этот образ использовал Л. Н. Толстой в романе «Война и мир»).

По определению М. Фуко, справедливость — представление, которое в обществах разного типа искусственно создавались и воплощались в жизнь как орудие политической власти или как орудие против этой самой власти.

Социальную справедливость можно отнести к тем «символическим реальностям», которые, по Г. Лассуэллу, могут быть включены в механизм идеологической рационализации «приватных аффектов» при их адекватном «перенесении в публичную сферу».

Назначение психоаналитического метода в политике, по Г. Лассуэллу, состоит «у створенні прийомів управління масами засобами значимих символів, котрі стимулюють нешкідливу розрядку колективних напруженостей або знімають постійно виникаючі джерела напруженості в зразках інституції опального життя» [6, с. 197–198].

Политика (по Г. Лассуэллу) как «искусство создания выдуманых ценностей» предполагает, на наш взгляд, умение власти неизбежную несправедливость в распределении ценностей и ресурсов как источник социальной динамики представить как оптимальную для действующих политических акторов и как «подлинно справедливую» для большинства населения.

При этом элемент манипулирования мнением большинства, то есть политической технологии, присутствует даже в случае, если «символическая реальность» максимально приближена к «исторической».

Человек изначально «технологичен», если понимать «технологию» не только как способ обработки, но и «пре — образования» «материала» без-

относительно к тому, является «материал» одушевлённым или неодушевлённым.

Ю. Хабермас различал три основных типа техник, используемых в социуме: техники, позволяющие производить вещи, изменять их и ими манипулировать (техники производства); техники, позволяющие использовать системы знаков (техники сигнификации и коммуникации); техники, позволяющие определять поведение индивидов, предписывать им определённые конечные цели и задачи (техники подчинения).

М. Фуко добавляет ещё один тип техник — «техники себя», понимая под этим определённое число операций, которые сам индивид осуществляет на своём теле, душе, мыслях и поведении так, что производит в себе некоторую трансформацию, изменение и достижения определённого состояния совершенства, счастья, чистоты, сверхъестественной силы.

«Техники себя — это процедуры, которые, несомненно, в каждой цивилизации предлагаются или предписываются индивидам, чтобы фиксировать их идентичность, её сохранять или изменять соответственно определённому числу целей» [10, с. 431], — пишет М. Фуко в резюме своих лекций, прочитанных в Коллеж де Франс за 1980–1981 годы.

Историческая динамика содержит в качестве важнейшей культурно-идеологическую составляющую, которая в пределах больших исторических эпох может быть выражена как трансформация «ментального космоса» с преобладанием одного из трёх системных параметров «мифологизация — рационализация — прагматизация» общественного сознания.

Ментальный космос антропоморфен и упорядочен в системе хронотопических координат (вертикальных, горизонтальных, темпоральных), изменяющихся сообразно с развитием социокультурной системы.

Тот или иной тип «ментального космоса» составляет бытийную основу, в рамках которой и формируются представления о справедливом или несправедливом социальном порядке и воплощающей его власти.

Изменение «ментального космоса» является одновременно и спонтанным и управляемым процессом, поскольку управляющие находятся «в одной лодке» с управляемыми, но имеют в своём распоряжении такой властный ресурс, который М. Фуко именует «управлением производством истины». Истина и власть, по М. Фуко, взаимосвязаны, поскольку право на истину имеет каждый, но сферы и процедуры, посредством которых она доносится, упорядочены заранее.

«Археологический» подход М. Фуко к исследованию политики и власти основывается на концептуальном для автора утверждении: «Истина становится продуктом світу: її формують лише за допомогою численних форм примусу. І вона спонукає владу до належних дій. Кожне суспільство має свій режим істини, свою «генеральну політику», тобто ті типи дискурсу, які воно приймає і змушує функціонувати як істини» [6, с. 330].

Мифологизированная, рационализированная или прагматизированная идеологии могут включать в себя разные политические направления и оттенки, что в политической практике порождает конфликтность, неприми-

римость и вражду даже между ментально родственными политическими направлениями.

Но культурно-исторические различия между мифологизированной, рационализированной и прагматизированной ментальностью, предопределяющие не столько конкретно-исторические, сколько системно-парадигмальные формы легитимизации власти, являются, на наш взгляд, сегодня более значимыми и существенными для понимания современных политических процессов, в частности, в Украине.

В культурно-историческом аспекте первой из «технологий» обработки «одушевлённого материала» является ритуально-магическая — это синкретизированная, то есть недифференцированная (на обработку предмета или человека) «технология», поскольку одушевлённость приписывается всему существующему.

Ж. Бодрийяр заметил, что «дикари» умели актуализировать в своих обрядах амбивалентное отношение к богам и «...возможно даже, что они молились им только с целью придать их смерти» [1, с. 347].

Миф разъединяет поклонение и убийство. Точнее — создание образа бога одновременно является его умерщвлением в этом образе, его «приручением» (греческое «эйдолон» — идол — «тень умершего»).

Создание мифосемиотического «пространства» — «коллективного образно-символического пространства», в котором присутствуют «приручённые» боги — начало «удвоения» мира, формирования «ментального космоса», в котором отношения символической и исторической реальностей опосредованы «мифо — логикой».

Логика первоначально понимается как логика поведения (последовательность, правильность действий) в рамках определённо выстроенной «логики» (последовательности, иерархии) символических образов — «символ — логики» или «идео — логики».

Преимущественно топическая (пространственная) «табу-технологическая» организация ментального космоса доцивилизационных сообществ в процессе социокультурогенеза человека трансформируется в хронотопическую «мифо-логическую» вертикаль «верх-низ», что связано с зависимостью базовых элементов уклада жизни от солнца и земли и с оформившейся иерархической пирамидой уже централизованной, т. е. политической власти.

Сезонность сельскохозяйственных работ, являющихся основой жизненного цикла социума, предопределяет рождение циклического времени, которое сопряжено с сакрализованной вертикалью «верх-низ», интерпретировано как вечный порядок и противопоставлено «профанному» времени как разрушительному, тлетворному. Находящиеся на верхушке иерархической пирамиды властные элементы, исключённые из потока профанного времени, олицетворяют вечную целостность мифо — логического хронотопа.

К. Леви-Стросс заметил, что миф — это «машина для уничтожения времени».

Теократия как политическая форма социальной справедливости воспроизводит логику мифа, в соответствии с которой высшие блага «по заслу-

гам» даются тем, кто «выше», то есть ближе в верхушке «пирамиды» — своего рода лестницы, связующей небо и землю.

Основы «мифо — логики» лишь в «осевое время» (по К. Ясперсу) становятся предметом рассмотрения, рефлексии, критики. Сократу вменялось в вину, что «он не чтит богов, которых чтит город», то есть расшатывает «мифо — логику».

«Диа-логика» как искусство живого диалога у Сократа и как литературный жанр у Платона трансформировалась в «логику» Аристотеля (то есть в своего рода технологического арбитра в споре логик, в «мета-диалектику»).

Рационализация в узком смысле — это логико-понятийная вербализация, то есть особая техника мышления, овладение которой является относительно автономными от сословной принадлежности, но, следовательно, и от «мифо — идео — логики».

Культурно-технологический прорыв «осевой революции» — это не просто автономизация логики от мифологии, но и автономизация логики (ещё и как интеллектуальной техники) от идеологии, следствием чего становится легальным инакомыслие, положившее начало идеологическому плюрализму.

Само понятийное мышление — это драматический сюжет конфликта понятий, который можно представить только последовательно, поэтапно, линейно.

То есть в широком смысле опыт рационализации, пережитый в «осевое время», касается не столько логико-понятийной формы его проявления, сколько смещения самого способа ментального существования: от неизменного к изменяющемуся в направлении его возможного усовершенствования.

Это открытие «цели» как новой пространственно-временной координаты стало главным ментальным открытием «осевой» революции.

Вертикальная хронотопическая организация ментального космоса «земля — небо» не исчезает, но конкурирует с производным от неё хронотопом «имеющееся — должное», который укрепляет хронологическую составляющую ментального космоса, где пока ещё нет «будущего», поскольку нет «прошлого» — «прошлого» остаётся в рамках мифологизированного «золотого века», «века богов и героев», который включён в мифологическую память «вечности».

«Осевая революция» эмансипирует «профаные» мотивы поведения — интересы — от «мифологизированных» «сверхценностей», «легализуя» в социуме идеологический плюрализм.

«Сверхценности» теперь существуют скорее как прикрытие интересов, репрезентирующих большие группы людей, облачённых в «тогу» морально «должного». «Должное», в отличие от «настоящего», форматируется как «идеалы», достижение которых включает фактор «времени» и индивидуальных усилий.

Борьба «больших интересов» за реализацию «идеалов» становится легитимным содержанием политики и истории. Рождение «истории», движи-

мой в том числе и «профанными» («приземлёнными») интересами «заботы» о «должном» — это, по существу, начало «конца вечности».

Демократия как политическая форма социальной справедливости отражает произошедший ментальный поворот от «вечного» к «должному», в соответствии с которым высшие блага не даются, а «завоёвываются» достойными в состязании, а высшим арбитром в этом состязании являются сограждане. Достоинства не являются привилегией рождения, а следствием самосовершенствования, что требует времени и усилий.

«Вечность» возрождается в мифологическом пространстве христианского монотеизма, но уже с учётом произошедшей ментальной трансформации социума.

Противопоставляя себя политеизму, монотеизм одновременно способствовал формированию новой хронотопической доминанты, настраивая на ожидание «конца времени», «судного дня», который отделит «время» от «вечности».

«Конец времени» станет и началом «нового» «вечного» пространства — «града Божьего», который в его противопоставлении «граду земному» возвращает к известному уже мифологическому хронотопу «земля — небо», но уже с поправкой на «историческую» составляющую.

То есть посредством монотеизации мышления хронотоп «имеющееся — должное» постепенно трансформируется в хронотоп «прошлое — настоящее-будущее», поскольку уже подразумевается «прошлое» вследствие его идеологической дискредитации как «языческого», подлежащего вытеснению.

«Цель» как рационально-психологическая устремлённость к морально «должному» в «историческом» формате приобретает характер рационально-психологической устремлённости к конкретному «месту», пока отсутствующему («у-топос»), но уже «различимому» в грядущем.

«Утопия...» Т. Мора как модель рационально обустроенного пространства в качестве «исторического» проекта будущего утверждается в качестве ментальной установки, свободной от теологического подкрепления.

Вслед за рационализацией политики в ходе «осевой революции» происходит рационализация хозяйственного уклада при посредстве, как утверждал М. Вебер, религиозной реформации христианства. Но сама реформация была частью ментально-идеологического процесса «моно-логизации» космоса, в котором эмансипированная логика становится не только ментально-психологическим, но и эффективным хозяйственно-экономическим инструментом.

Хозяйственно-экономическая эффективность подкреплялась на сознательно-психическом уровне тем, что «интерес» как групповой мотив поведения получает легитимность как «частный» мотив («естественные права» человека, сформулированные Д. Локком), следствием чего становится капитализация производства и формирование рыночных отношений.

Образование «нации» — это не просто трансформация этноса, в котором формируется внутренний рынок, а процесс легитимизации частного интереса как механизма личной независимости от государства.

Формирующиеся нации опираются на идеологию национализма, в том числе и в форме «мессианства», «богоизбранности» как государственной «сверхценности», прикрывая, по сути, этим запущенный в действие механизм частного интереса и на уровне межгосударственных отношений.

Либерализм как политическая форма социальной справедливости отражает ментальный поворот в сторону ценности «успеха» как символа «завоёванных» достоинств, которые не нуждаются в гражданском санкционировании, поскольку самоочевидны и материализованы в статусном присвоении. «Успех» — символ личного «прогресса».

«Тео-логика» (аристотелелизированная теология) и «техно-логика» (деаристотелелизированная философия), сопровождавшие рождение собственно науки, в равной мере «несущие ответственность» за рождение науки и предуготовлявшие ментальную революцию, связанную с окончательным утверждением хронотопа «прошлое — настоящее — будущее».

«Золотой век» переозначивается и становится синонимом не прошлого, а «будущего», которое понимается скорее не как место, а процесс, концептуально означенный как «прогресс».

Знание становится одним из символов прогресса, в том числе и нравственного, а человек, препятствующий широкому распространению знания, именуется ретроградом («идущим назад»).

Развитие науки — это форсированная сциентизация мышления, то есть процесс развития рационализированного знания, при котором строго понятийная вербализация, в идеале математически верифицируемая или потенциально стремящаяся к этому, узурпирует рациональную ментальность.

В национальном государстве при посредстве секуляризированного образования формируется «идео-прагматический» альянс «наука — техника — власть», который превращает идеологию в инструмент развития «профаных» технологий производства, расширяющий сами понятия производства, обмена, потребления на традиционно «непроизводственные» сферы — политику, религию, искусство.

Соответствие символа и реальности определяется не их действительным соответствием (истинным или ложным), а практической полезностью нахождения такого соответствия.

В этой прагматической системе взаимоотношений символической и исторической реальности практическая эффективность науки, бывшая полезным дополнением к теоретическому умозрению, становится самодостаточной.

«Идеология рынка» девальвирует сам рационализм, поскольку наука утрачивает значение мировоззренческого горизонта, по поводу чего К. Поппер заметил, что «если восторжествует большинство, то есть узкие специалисты, это будет конец науки, какой мы её знаем, ...духовная катастрофа, сравнимая по своим последствиям с появлением ядерного оружия» [9, с. 321].

Защита национальных интересов в светской «упаковке» национальной идеи понимается как патриотизм, который с ослаблением сакральных «сверхценностей» легко становится предметом имитации, фальсификации,

манипуляции, что дискредитирует идеологию в принципе, а в перспективе ведёт к «деидеологизации», вытеснению «символ–логической» составляющей социума.

Альтернативой «идеологии рынка» становятся тоталитарные идеологии, которые национализму пытаются противопоставить либо расизм, либо интернационализм в качестве «квазисакральных» сверхценностей. Социальную справедливость эти идеологии ставят в зависимость от ценностей «государственного служения» и верности «государственной идее», что, по сути, тоже является формой национального интереса, но «упакованного» в в квазигражданскую риторику.

Хронотоп «прошлое — настоящее — будущее», как «чёрной дырой», втягивается «настоящим». Триумф «настоящего» разрушает хронотопическую модель, на которой базировался сциентизированный миф прогресса.

Претензия гегелевской «Науки логики» на панлогизм оказалась последней в преддверии европейского иррационализма, а появившаяся полтора столетия спустя «Логика смысла» Ж. Делёза констатировала рождение постмодернистской ментальности, одной из особенностей которой является установка на «отмену будущего», поскольку «за занавесом нет ничего, на что стоило бы посмотреть» [3, с. 26].

Постмодернистская ментальность отражает, на наш взгляд, кризис прагматизированной идеологии, а прогнозируемый Ф. Фукуямой «конец истории» отражает завершение эпохального цикла «мифологизация — рационализация — прагматизация», в конце которого, по определению А. С. Панарина, не верят ни в историческую необходимость, ни в универсалии прогресса, а эффективность власти выступает как кредо профессионалов, умеющих красиво вести игру по критериям, принятым в среде политических профессионалов.

Парадоксальность постмодернистской политической системы, по мнению А. С. Панарина, в том, что «она сознательно генерирует конфликты и трения, ибо они создают новый спрос на политику» [8, с. 141].

Понимание социальной справедливости в этой парадигме взаимоотношений власти и общества можно интерпретировать с помощью постмодерного понятия «симулякра», то есть «ложного претендента» — имитатора социальной справедливости, пользующегося для изображения своего подобия различными масками в зависимости от ситуации и собственной выгоды, что, по сути, является прикрытием ментального хаоса. И эта социокультурная ситуация, отражающая концептуальный кризис представлений о социальной справедливости, касается не только постмодерного «политикума», но и постмодерного «демоса».

Выводы и перспективы исследования. В контексте сказанного политический выбор современной Украины в кратковременной перспективе — это не столько выбор между демократией и тоталитаризмом, выбор между независимостью и постколониализмом, выбор между Европой и Россией, сколько выбор между квазиидеологизированными «либерализмом», «национализмом», «социал-демократизмом», с одной стороны, и прагматичным деидеологизированным этатизмом — с другой.

Следует вспомнить «Левиафана» Т. Гоббса и предположить, что мы сегодня находимся в ситуации, аналогичной «естественному состоянию» «войны всех против всех».

Апелляция к национальной идее как спутнице становления национального государства сегодня является анахронизмом. Воспоминания о демократическом прошлом Украины до присоединения к России — реанимация политической мифологии, чреватая политическими спекуляциями. Реставрация социальной справедливости в духе социализма «с человеческим лицом» — политическая утопия. Возрождение Украины как духовного центра православия в политическом альянсе с Россией в соответствии с геополитической концепцией А. С. Панарина — политическая спекуляция.

Прагматический этатизм предполагает усиление авторитарных тенденций централизованной власти, но в основе авторитарности должна быть авторитетность власти, что возможно лишь вследствие изменения механизма рекрутирования элиты.

Собственно расширение социальной базы рекрутирования элиты и может рассматриваться на современном этапе политического развития Украины как «умелое и осторожное управление несправедливостью».

Уместно вспомнить, что известные политтехнологи Е. Малкин и Е. Сучков предложили «Антиноменклатурный манифест» в качестве перспективного проекта для современного российского общества, обосновывая его преимущества тем, что он предлагает обществу образ «врага», отвечающий следующим требованиям: «образ «врага» должен быть понятным, знакомым, вызывать ненависть и отвращение у подавляющего большинства граждан и восприниматься как самый страшный враг России; ...все характеристики образа «врага» должны быть прямо противоположны, антагонистичны атрибутам гражданского общества» [7, с. 546–547].

С. Г. Кара-Мурза и группа исследователей в книге «Экспорт революции» предложили в качестве политического проекта организацию общественного движения по типу «горизонтальной» партии, где одним из основных принципов организации сформулирован следующим образом: «Должны быть со всей решительностью изолированы от власти все агенты «политического суицида», то есть те, кто провоцирует и нагнетает социально-политический конфликт, руководствуясь принципом «чем хуже, тем лучше». Единственным критерием сохранения чиновничества у власти должна быть не преданность текущему начальству, которая вполне сочетается со способностью «слиться» в решающую минуту. Единственным критерием сохранения у власти, должна быть готовность защищать государство и нацию до последнего» [5].

В долговременной перспективе обновлённой элите предстоит выработать эффективные механизмы управления общественным сознанием, в котором представления о социальной справедливости «вмонтированы» в «ментальный космос», где «древообразные парадигмы мозга уступают место ризоматическим фигурам, системам без центра, сетям конечных автоматов, хаотичным состояниям» [4, с. 276].

Исследование возможных перспектив реидеологизации общественного сознания либо полной девальвации понятий «общественное сознание», «социальная справедливость» и следует рассматривать как перспективные задачи дальнейшего исследования поставленной проблемы.

Говоря о девальвации вышеназванных понятий, уместно привести рассуждение И. Бродского о трансформации ментально-идеологической ситуации в современном мире: «...завершается... период психологического палеолита, знаменитый своей верой в нравственный процесс и сопряжённой с ним склонностью к утопическому мышлению, на смену приходит ощущение переогромленности и крайней степени автоматизации индивидуального и общественного сознания» [2, с. 6].

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
2. Бродский И. Предисловие/Юз Алешковский. Собрание сочинений в трёх томах: Том 1. — М.: ННН, 1996. — С. 3–14.
3. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophikum* / Ж. Делёз. М. Фуко. — М.: Раритет, 1998. — 480 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?/Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с.
5. Кара-Мурза С., Александров А., Мурашкин М., Телегин С. Экспорт революции / С. Кара-Мурза и др. — М.: 1667 RAR, 2005.
6. Кирилюк Ф. М. Новітня політологія. Навчальний посібник / Ф. М. Кирилюк — К.: Центр учбової літератури, 2009. — 564 с.
7. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии / Е. Малкин, Е. Сучков. — М.: Русская панорама, 2006. — 680 с.
8. Панарин А. С. Политология. Учебник. Изд. второе, переработанное и дополненное / А. С. Панарин. — М.: «ПБОЮЛ С. М. Грачёв», 2000. — 448 с.
9. Поппер К. Разум или революция? /Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. — М.: Эдиториал, 2000. — 464 с.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.

Е. С. Огаренко

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра політології Інституту соціальних наук
к. 35, Французький бульвар 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

**СОЦІАЛЬНА СПРАВЕДЛИВІСТЬ ЯК СИСТЕМНО-
ФУНКЦІОНАЛЬНИЙ ПАРАМЕТР ЛЕГІТИМНОСТІ ВЛАДИ
В КУЛЬТУРНО-ІСТОРИЧНОМУ КОНТЕКСТІ**

Резюме

В статті розглядається проблема вибору стратегії соціально-політичного розвитку сучасної України в контексті довготривалих ментально-ідеологічних трансформацій людської спільноти. Соціальна справедливість інтерпретується як системоутворюючий фактор легітимізації влади, а розвиток уявлень про соціальну справедливість розглядається в контексті хронотопічних трансформацій «ментального космосу» людини. Проводиться думка, що кризові явища в політичному житті сучасної України неможливо подолати без концептуалізації владою уявлень про соціальну справедливість як заставу легітимізації.

Ключові слова: соціальна справедливість, легітимізація влади, «ідео — логіка», ментальний хронотоп, соціокультурна динаміка, прагматичний етатизм.

E. S. Ogarenko

Department of political sciences ISC
Odessa National University named after I. I. Mechnikov
24/26, Frantsuzsky Bulvard, Odessa, 65058, Ukraine

**SOCIAL JUSTICE AS SYSTEMIC-FUNCTIONAL PARAMETER
OF LEGITIMACY OF THE POWER IN CULTURAL AND HISTORICAL
CONTEXT**

Summary

The article examines problem of choice strategy social-political development of present Ukraine in the context of prolonged mental-ideological transformation human society. Social justice are interpreted as system making factor of legitimacy of the power, development representation about social justice are inspected in the context chronotopical transformation of «mental space» of human. An idea is advanced that, crisis phenomena in political life of present Ukraine are impossible overcome without conceptualization power of representations about social justice as legitimization voice.

Key words: social justice, legitimacy of the power, «idea –logic», mental chronotop, sociocultural dynamics, pragmatic etatism.